

СПЕКТАКЛЕМ «ЧУДАКИ» ПО ПЬЕСЕ А. М. ГОРЬКОГО ОТКРЫЛ ОЧЕРЕДНОЙ СЕЗОН ТЕАТРА ДРАМЫ И КОМЕДИИ НА ЛИТЕЙНОМ. СЕГОДНЯ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О КРОТКОЙ ПОКА ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ МОЛОДОЙ АКТРИСЫ НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ, СЫГРАВШЕЙ В ЭТОМ СПЕКТАКЛЕ ОДНУ ИЗ ВЕДУЩИХ РОЛЕЙ.

ИГРА СВЕРХ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ТЕКСТА

В творческой биографии Натальи Нестеровой наступающий театральный сезон будет всего лишь третьим.

ОКОНЧИВ в 1971 году Институт театра, музыки и кинематографии, Нестерова стала актрисой Ленинградского областного театра драмы и комедии, здесь дебютировала в небольшой роли Майки из пьесы Б. Васильева «Веселый тракт». Начало это было удачным, и хотя еще не давало повода для специального разговора о дарованиях актрисы, но обращало на себя внимание. Для тех, кто видел студенческие работы Нестеровой на сцене учебного театра, было очевидно: роль Майки не в характере актрисы, однако сыграна она ярко, профессионально.

У драматурга образ Майки достаточно «служебный» — это наглядный пример того, как становятся постоянными обитателями «Веселого тракта», это первые страницы биографий почти всех остальных женских персонажей пьесы. Молоденькая, неопытная, жизненными обстоятельствами заброшенная в глухую тайгу, Майка обманывается в любви и все-таки в глубине души продолжает верить в силу и значимость духовного общения между людьми, хотя человеколюбие до поры до времени «прячет в сундук».

Такой упрощенный смысл роли банален своей однозначностью и прямолинейностью. И, пойдя актриса послушно за драматургом,

роль, наверное, не удалась бы — превратилась в ни о чем не говорящий штамп. Но в игре Нестеровой «выговоренность фразы» переросла в «недоговоренность эпиграфа», задающего тон и предвосхищающего своеобразный поворот мысли.

Расставшись, например, со своим «обидчиком», Майка — Нестерова рыдает скорее от бессилия изменить жизненные обстоятельства, сковавшие ее судьбу, чем от досады на покинувшего ее возлюбленного, как это положено ей по тексту. А выслушивая настоятельные речи своих многоопытных сослуживцев, явно не слышит их, погруженная в собственные мысли.

От сцены к сцене в мимике и жесте актрисы раскрывается гораздо более сложное содержание, чем то, что заложено в произносимых ею словах роли. И постепенно за внешней традицион-

ностью поведения этой молоденькой девушки Нестеровой удается показать напряженную эмоциональную жизнь человека, самостоятельную мыслящего, страдающего от дисгармоничности и тривиальности окружающего «мира».

Недоговоренность, игра сверх текста — вот общий ключ в решении спектакля «Веселый тракт», поставленного Е. Падве. Нестерова стала здесь одной из тех, кому вполне удался предложенный режиссером метод.

Умение не только выполнить поставленную режиссером задачу, но и проявить творческую самостоятельность — дать собственное образное решение роли — Нестерова обнаружила в работе над ролью Бланш из пьесы Т. Уильямса «Трамвай «Желание».

Вероятно, желая подчеркнуть общечеловечность конфликта, предложенного пьесой Уильямса, постановщик спектакля Е. Падве убрал из текста большинство реплик и ремарок (а иногда и целые роли), настаивающих на том, что местом действия описанных событий является именно Америка. Эти сокращения коснулись и немаловажной для американского драматурга и его героев темы «уходящего в прошлое аристократического Юга».

Больше других в данном случае (и количественно, и по существу) пострадал текст Бланш. Из ее бесконечных, навязчивых вос-

поминаний исчезли неотъемлемые от Бланш литературные ассоциации, невзначай оброненные фразы на французском и тому подобные «мелочи». Все эти исчезновения дают в новом сценическом варианте пьесы повод усомниться в том, что Бланш — аристократка по духу, а не только по происхождению.

Явная смысловая недостаточность текста исходила теперь уже не от драматурга, а — намеренно — от режиссера. Быть может, таков творческий метод Падве — выносить смысл образов вовне, за пределы конкретного текста. В игре Нестеровой многое из «вычеркнутого» восполнено. И не только красноречивым присутствием без слов, как это было в случае с Майкой, но прежде всего в пластике, в своеобразии интонаций, которыми актриса наделила свою героиню. Движения Нестеровой — Бланш изощренны, подчеркнута элегантность, а подчас и манеры по отношению к нынешним условиям ее бытия. Движения эти похожи на витиеватый танец птицы редкой породы, погибающей на чужбине.

Нет намека на вульгарность и во внешнем облике Бланш. Довольно строгие наряды, в меру косметики, модный парик — весьма современная, отнюдь не молодящаяся, а просто молодая, привыкшая следить за собой женщина. Знаменитая же боязнь яркого света в данном случае вызвана у

Бланш скорее излишней мнительностью, чем действительными причинами.

Эта мнительность, неуверенность в себе проявляется у Нестеровой и в часто повторяющихся вопросительных, просящих, даже несколько плаксивых интонациях. Так, она уговаривает Митча, а не разговаривает с ним. Эти интонации исчезают, когда она общается с сестрой; в них появляются надсадность и визгливость, когда Бланш одна на один остается со своим затым Стэнли.

То, что эта Бланш обречена и погибнет скоро и неминуемо, понимаешь почти сразу — по нервозности и неадекватности ее реакций. Таким образом, одна из проблем пьесы — выживает ли героиня — в спектакле вытеснена другой: насколько гуманны и терпимы к чему-то иному, чужеродному те, за кем сегодня сила и уверенность, — такие, как Стэнли Ковальски. А жестокости их, оказываясь, нет предела...

Но даже насилие не может сломить, поколебать духовных устоев Бланш, какой ее играет Нестерова. В финале спектакля она вдруг предстает такою же, как в первом своем появлении на сцене: чужая, гордая, произносящая какие-то непонятные для окружающих фразы, вроде: «Я всю жизнь зависела от доброты первого встречного».

Называя успехи Нестеровой, ни в коей мере не хотелось бы абсолютизировать их. Сегодня в ее игре можно было бы найти и незавершенность, и просчеты. И все-таки... Два первых сезона актрисы с несомненностью доказывают: она из тех, кто, владея ремеслом, ищет в искусстве «свою тему», стремится к самораскрытию. И поиск этот оригинален и плодотворен.

Е. ВИКТОРОВА

На снимке: Н. Нестерова в роли Бланш («Трамвай «Желание»).

У М Е Н А
г. Ленинград
И Б РН 1973